

Александр Ом
Простые истины Дедушки Тао

О жизни, о любви, о счастье, о смысле, о смерти, о вечном



Александр Ом
Простые истины Дедушки Тао.
О жизни, о любви, о счастье,
о смысле, о смерти, о вечном

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48448596
ISBN 9785005063786*

Аннотация

У каждого из нас в душе есть свой Дедушка. Ему уже миллионы лет, потому что нашей душе тоже миллионы лет. Она – частичка Абсолюта, и она, как и Он, бессмертна. Внутри нашей души есть ответы на все вопросы. Правда, с течением времени и в процессе своего долгого пребывания на Земле она часто забывает многие ответы, а многие вопросы ее вообще перестают интересовать. И вот когда у нее вновь возникает желание знать, то Дедушка Тао внутри нее просыпается и подсказывает ей правильные ответы.

Содержание

Оставить всех в покое	5
Время забудет о тебе	6
Музыка тишины	7
Искусство умирать	9
Если встретились два человека	15
Тише воды, ниже травы	20
Девушки и цветы	24
Верить или знать?	25
Магия – это просто!	26
Смотреть на звезды	30
Ощутить настоящее	31
Бывают женщины	32
Детские «недетские» мысли внученьки Нади	33
Дао, Будда и Святая Троица	38
Что в нашей жизни главное	49
Парадоксы гармонии	50
Под пристальным взглядом Абсолюта	52
Самая умная часть нашего тела	59
Люди – странные создания	62
Прямое нужно сгибать	63
Время Садханы	64
Быть Наблюдателем	69
Конец ознакомительного фрагмента.	73

**Простые истины
Дедушки Тао
О жизни, о любви,
о счастье, о смысле,
о смерти, о вечном**

Александр Ом

Корректор Татьяна Исакова

© Александр Ом, 2019

ISBN 978-5-0050-6378-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оставить всех в покое

Когда-то давным-давно Дедушка Тао мне сказал:

– Саша, оставь всех в покое и займись собой. Нам всем еще столько нужно сделать с собой, что нам на это жизни не хватит. А что уж говорить о том, чтобы вмешиваться в жизнь других и якобы им помогать? Парадокс этого «эгоизма», впрочем, заключается в том, что когда ты сам начнешь изменяться к лучшему, то и другие тоже будут изменяться и весь мир вокруг тебя постепенно изменится.

Когда я это понял, то у меня все в жизни стало получаться и укладываться как надо. Правда, пока я это понял, я то и дело донимал Дедушку Тао своими вопросами, а он мне терпеливо отвечал.

Время забудет о тебе

– Дедушка! Почему одни женщины стареют быстро и от их былой красоты почти ничего не остается, а других годы не портят? Они сохраняют молодость и продолжают быть такими же красивыми, ну вот как, например, твоя жена? – спросил я как-то Дедушку Тао.

– Что? Ты это тоже заметил? – улыбнулся он, а потом сказал: – Видишь ли, Саша, те, кто красив независимо от времени, всегда были любимы и сами до сих пор любят. Они времени не замечают. И время не замечает их. А те, кто... Ну это ты уже и сам понял. А вообще-то, любовь – это огромная сила. Она наполняет душу энергией, и тогда душа радуется. Ей ведь нужна прежде всего любовь, как цветку солнце. Тогда она раскрывается и благоухает. А если цветок не раскрыт, то как же он будет благоухать?

Потом, немного помолчав, он добавил:

– Мы же, Саша, приходим в этот мир прежде всего за тем, чтобы научиться по-настоящему любить, а не требовать ее от других. Если ты любишь, то и тебя будут любить. Так что, Саша, люби свою жену, целуй ее, обнимай, ласкай, и она всегда будет красива, как цветок. Ей ведь от тебя больше ничего не нужно. Только это. Да и ты сам будешь наполняться ее любовью, и неумолимое время забудет о тебе.

Музыка тишины

– Саша, а ты что так – перестал играть на гитаре, не пишешь песен? Я уже давно не слышал, как ты поешь, – удивил меня однажды вопросом Дедушка Тао.

Я действительно уже давно не брал в руки гитару. Она стоит под лестницей в коридоре между нашей спальней и комнатой старшего сына. Я хожу мимо нее по несколько раз в день и только иногда бросаю на нее свой взгляд. Она спокойно стоит и молчит.

– Да все как-то времени нет. То одно, то другое, – ответил я, а потом добавил: – А вообще, знаешь, когда-то мне и писалось, и пелось легко. Многим даже нравилось то, что я сочинял. В рок-группе даже играл. Но однажды я подумал, что вообще-то это не имеет смысла, поскольку если я хочу быть популярным, то должен постоянно создавать что-то новое и пытаться удивлять слушающих – то есть быть постоянно «на плаву». А если нынче самих «Битлов» уже мало кто слушает, то что можно сказать обо мне. Значит, это не мое, решил я тогда и отставил гитару. Я лишь изредка поигрываю для собственного удовольствия да для близких, когда они просят, но все реже и реже, и ты знаешь, вот именно тогда я ощущаю настоящую радость игры и пения.

– Что ж, понимаю, – кивнул головой Дедушка Тао. – Может быть, ты и прав. Музыка должна исходить из глубины

души, тогда это магия. А если душа не хочет, то зачем же ее мучить?

– А однажды я услышал иную музыку – музыку тишины и безмолвия, – чуть погодя добавил я. – И ты знаешь, Деда, сейчас эта музыка нравится мне все больше и больше. В ней столько всего!

– Ну, Саша, а вот за это тебе уважуха! – улыбнулся Дедушка Тао. – Тот, кто уже умеет слушать голос безмолвия и тишины, тот все ближе к Нему. Кто душой стремится к Нему, того с истинного Пути ничто не собьет, потому что, как ты сам заметил, тишина не безмолвна. В ней Его голос. Только мы обычно его не слушаем и потому не слышим, а она как музыка.

Искусство умирать

Однажды мы – Дедушка Тао и я – тихим поздним вечером сидели в саду за нашим домом. Уже окончательно стемнело. Над нами засияли звезды.

– Деда, а ты боишься смерти? – спросил я Старика.

– Да нет, – ответил он. – А чего ее бояться-то?

– Ну как же? – смутился я. – Лично мне все таки как-то трудно вообразить, что вот я есть и вдруг... и вдруг меня нет. Весь мир вокруг остается, а я... уже не существую. Знаешь, я тут как-то читал у Гурджиева о том, как он однажды своих учеников попросил представить себе, что им осталось всего два часа жизни, так у меня аж мурашки по коже побежали от ужаса того, что и я когда-то умру.

– Хм, – усмехнулся Дед. – Ну хорошо, Саша. Вот скажи мне, а ты засыпать не боишься?

– Засыпать? Нет, конечно, – рассмеялся я. – Наоборот, сон – это так приятно. А почему ты, собственно, спрашиваешь о сне?

– Смерть, Саша, это как засыпание перед пробуждением. Только пробуждаешься уже без своего тела. Оно остается здесь, а ты дальше продолжаешь существовать, но тебя уже ничто не ограничивает. Ты свободен. Впрочем, эта свобода тоже относительна, но сейчас не об этом.

– Ну знаешь! – усмехнулся я. – Смерть как засыпание, ко-

нечно, хорошо звучит, но это всего лишь домыслы. Оттуда ведь никто не возвращался, чтобы нам рассказать, как все это там происходит в действительности.

– Саша, так-то оно так, но допустим, что кто-то оттуда вернулся и тебе рассказал, как там. Ты ему поверишь?

– Хм, наверное, все же нет, – усмехнулся я.

– Вот видишь?! Впрочем, что там ты? В последнее время о так называемом посмертном опыте уже появилась масса книг, написанных медиками-скептиками, которые сами хотели проверить то, о чем писал в свое время Моуди в известной книге «Жизнь после смерти» и которые записывали откровения пациентов, реанимированных после клинической смерти. Эти воспоминания в большинстве своем очень похожи. Так вот, другие ученые-скептики им тоже не верят. А вообще-то дело даже не в них, а в том, что мы перестали ощущать самих себя как души. Мы и в других видим лишь внешнюю оболочку. И живую природу мы перестали воспринимать как нечто одухотворенное. И в этом-то вся наша беда, Саша! А ведь заметь, что каждое живое создание, будь то животное или травинка, это прежде всего отдельная душа. Да что там животное или травинка? Каждая клетка организма – это тоже определенная душа. А душа, Саша, не умирает. Она вечна. Организм умирает. Это да. Но сам по себе организм – это всего лишь определенное уложение молекул, которые в свою очередь создают энергетический ресурс для того, чтобы душа, воплощенная в нем, могла расти и разви-

ваться. Мы – люди – об этом забыли и потому боимся смерти. А вообще у нас за плечами не тысячи, а сотни тысяч воплощений. И впереди целая вечность. Если ты это понимаешь, то какой же может быть страх?

– Хм! – улыбнулся я, представив себе вечность. – То есть, по-твоему, животные не боятся смерти? – чуть погодя спросил я.

– Видишь ли, Саша, для них смерть и рождение – это как для нас засыпание и пробуждение, потому они и не знают, что такое смерть. Мы своих предыдущих воплощений не помним, а многие животные помнят, потому они и воспринимают свою настоящую жизнь всего лишь как продолжение предыдущей. Мы живем, помня лишь о предыдущих днях нашей актуальной жизни, а они, в отличие от нас, также помнят и прошлый опыт из предыдущих жизней. Во многом на этом, кстати, основывается феномен так называемых поведенческих паттернов, когда поведение животного обусловлено якобы врожденными программами. Программы, конечно, имеются, но они часто основаны на активной памяти об опыте из предыдущих воплощений, которых может быть тысячи в том же самом облике.

– Почему же тогда потенциальная жертва убегает от хищника, раз она не боится смерти? – удивился я.

– Вообще-то, следует учитывать, что потенциальная жертва прежде всего боится не самой смерти, а боли, связанной с насильственной смертью. Есть разница. А поскольку в ди-

кой природе мало кто умирает своей смертью, то такое «засыпание» у них ассоциируется прежде всего с переживанием боли. Вот они и стараются ее избегать. Кстати, многие наши предки в стародавние времена, когда приходила старость и они начинали ощущать приближение смерти, просто уходили умирать в лес. Во многих архаических культурах, которые еще сохранились, это практикуется до сих пор. Для нас сейчас уже странно то, что, почувствовав приближение смерти, можно попрощаться со всеми домочадцами, потом лечь и уснуть, как мы говорим, навсегда.

– Да уж, вообще-то было бы, конечно, круто, когда состаришься, вот так лечь и отойти в мир иной без боли и страха. А кроме того, не создавать проблем своим близким, если уж ты становишься немощным и обузой для них, – сказал я, глядя в звездное небо.

– Да, Саша, раньше это было обычное дело. А сейчас тебе уже не дадут спокойно умереть. Существует общепринятое мнение, что пациента необходимо спасти любой ценой – и скорая помощь приедет, и в реанимации будут тебя откачивать, и так далее и тому подобное. Это, конечно, гуманный подход, но... но благими намерениями, как известно, часто дорожка в ад стелется, как для самого умирающего, так и для его близких. Во всяком случае сейчас, если уж кто-то и хотел бы умереть спокойно, так ведь не дадут. Впрочем, большинству людей до поры до времени, наверное, лучше и не знать о том, что смерти нет. Хотя вообще-то они и так

не поверят в то, о чем я тебе говорю.

Дед на какое-то время замолчал, а потом повернулся ко мне и спросил:

– Ты-то хоть мне веришь?

– Верю, Деда, – кивнул я. – Конечно, то, что ты говоришь, не совсем обычно, но я тебе верю.

– Ну и хорошо, – сказал он, а чуть погодя добавил: – А вообще, Саша, когда я буду умирать, то ты, пожалуйста, не звони в скорую помощь. Дай мне спокойно умереть. Ладно?

– Ладно, Деда.

– Обещаешь?

– Обещаю, – проговорил я, все же не сумев скрыть своего сожаления.

– А ты что так насупился-то? Я же не завтра собираюсь умирать, – улыбнулся он.

– Да, знаешь, – попытался я объяснить ему то, что вызвало у меня сожаление, – вот вроде бы я понимаю то, что ты говоришь, и верю, что смерти нет и все такое, но все равно как-то грустно.

– Что ж, я тебя понимаю, Саша. Да ты, вообще-то, так не переживай. Мы там опять встретимся. Там все родственные души встречаются. Веришь мне?

– Верю, – усмехнулся я, взглянув в улыбающиеся глаза Дедушки Тао. – Но мне все равно нужно к этому привыкнуть. Все это как-то необычно.

– Ну, привыкай, Саша, привыкай! К новому необычному

всегда трудно привыкать.

– Ты-то хоть перед этим со мной попрощаешься? – спросил я, серьезно посмотрев на Деда.

– Конечно. Обязательно попрощаюсь, – усмехнулся он в ответ и прижал меня к себе, теребя по плечу своей мягкой, но вместе с тем еще такой крепкой и горячей ладонью.

Если встретились два человека

– Саша, а что это Миша и Аня давно у нас не появляются? – спросил меня однажды Дедушка Тао.

Миша и Аня – это мои друзья со студенческих времен, с которыми я часто проводил время.

– А представь себе, Деда, они развелись.

– Да ну! – воскликнул Старик. – Такая хорошая пара, и вдруг, вот те на, расстались. Надо же! Они так подходили друг другу. Они же вроде бы никогда не ссорились.

– Да и я тоже этого не припоминаю, – задумался я.

– Никогда бы не подумал, что они могут разойтись. Сколько же они прожили вместе? – спросил Дед.

– Ну, если мы окончили институт десять лет назад, а они познакомились на первом, то лет пятнадцать, – подсчитал я.

– Все же немало, – кивнул Дедушка. – А чего они не поделили-то? – чуть погодя спросил он.

– Хм. Я даже и не знаю, – пожал я плечами. – Вообще-то, для меня это тоже было неожиданностью. Впрочем, они взрослые люди. Видимо, устали друг от друга, вот и расстались, – усмехнулся я.

– И давно они, Саша, расстались?

– Да уже, наверное, месяцев пять, – прикинул я.

– А что – кто-то из них кого-то другого встретил? – продолжал меня допрашивать Дед.

– Честно говоря, Деда, я не знаю. Впрочем, Миша мне ничего не говорил. Я его как-то случайно встретил у метро, поговорили о том, о сем. Я их к нам пригласил, а он мне сказал, что они расстались. Так я и узнал об этом.

– И что, он переживал?

– Да вроде бы нет. Меня вообще-то тоже удивило то, что он как-то спокойно об этом сказал. Обещал зайти, но как ты сам видишь...

– Жаль, конечно, что люди не ценят того, что у них есть свобода выбора другого человека! – с сожалением сказал Дед.

– Что ты имеешь в виду, Дедушка? – удивился я.

– Заметь, Саша, что сейчас такие времена, что разводов вообще не должно быть, а по статистике, как ни странно, каждая вторая пара расстается.

– Почему не должно быть? Люди сами сходятся. Потом сами же и расходятся. По-моему, это даже хорошо, что есть такая возможность. Не то, что раньше – родители, не спрашивая, тебя женят на ком-то, кого ты видишь впервые, и потом живи всю жизнь с этим человеком и мучайся. Хорошо, если умная и красивая достанется! А если нет, тогда что? Так и будешь жить без любви.

– Вот именно, Саша! Раньше люди без любви соединялись, а потом многие из них всю жизнь в любви и согласии проживали. А сейчас сходятся ведь по любви, но потом она куда-то пропадает и человек не помнит, что по любви выби-

рал другого. И самое главное, что ведь никто ему этого человека не навязывал. Сам выбирал! Поэтому я и говорю, что люди не ценят того, что у них есть такая уникальная вещь, как свобода выбора. Ведь вообще-то сама по себе встреча в таком большом мире другого человека, в которого ты сразу же влюбляешься и который становится твоей половинкой на всю жизнь, это же почти чудо! А люди в большинстве своем не ценят этого чуда и даже забывают о нем.

– Деда, но ведь люди иногда устают друг от друга и естественно в какой-то момент хотят расстаться. Что тут странного? Хорошо, что есть такая возможность! Не то, что раньше.

– Конечно, Саша, в какой-то мере ты прав, но тогда они уже живут без любви. А без любви, Саша, человек неполноценен, а значит, и жизнь неполноценна. Поэтому любви нужно учиться, а особенно когда тебе кажется, что ее уже нет. Тогда нужно почаще вспоминать тот момент, когда ты встретил своего любимого или любимую и влюбился, и почаще вспоминать то чувство, которое ты тогда испытал. Обычно это не забывается.

– Ну хорошо, Деда, а как люди в старые времена проживали жизнь, как ты сказал, в любви и согласии, хотя иногда встречали друг друга впервые в день свадьбы? – спросил я. – Неужели у них со временем появлялась любовь?

– Ну да.

– Возможно такое вообще?

– Видишь ли, такая любовь возникала постепенно в процессе взаимного труда и взаимного проживания, совместного хозяйства, появления детей и заботы о них. Постепенно появлялась привычка друг к другу – привычка в хорошем смысле, а за ней и уважение друг к другу. Мало того, издавна были известны специальные способы, чтобы помочь молодым решать какие-то обиды, споры между собой и тому подобное, а тем самым налаживать совместную жизнь.

– Интересно, какие?

– Ну, например, дедушки и бабушки забирали к себе внуков на субботу и тем самым давали возможность молодым остаться вдвоем и вновь ощутить себя наедине друг с другом. Тогда можно было выяснить какие-то разногласия или недомолвки, если такие появлялись в будни и которые трудно было в эти будни разрешить. А после выяснения отношений, как ты сам наверное знаешь, любовь проявляется еще сильнее и еще более страстно. Так постепенно любовь и возникала, росла, крепла, и люди проживали совместную жизнь спокойно и счастливо, хоть начинали ее часто вообще без этого чувства. Любовь ведь нужно лелеять, беречь и ценить. Без этого она быстро улечивается. Она требует терпения к другому человеку и, главное, усмирения собственной гордыни. Если оба супруга стараются, то любовь обязательно возникнет, и из малой искорки она постепенно превращается в огонь. Так и создается семейный очаг, у которого всем домочадцам тепло и уютно. Без малой искорки огня ведь

не получится, а значит, душе всегда будет холодно и неуютно в этом мире. Вот так вот, Саша!

– Хм, – задумался я. В голове у меня звучали слова Деда и вспоминалась моя жена. Я хорошо понимал то, что он имел в виду. Затем вспомнился Михаил, говорящий: «Да мы, Саша, уже не живем вместе. Мы расстались».

«Интересно, что будет с ними дальше?» – подумал я.

Тише воды, ниже травы

– Дедушка, все говорят, мол, просветленный такой, просветленный сякой, а я, честно говоря, в своей жизни еще ни одного так и не увидел. Может, таких и нет вовсе? – спросил я как-то Дедушку Тао.

– И не увидишь, – невозмутимо ответил он.

– Это почему же? – удивился я.

– Потому что если уж кто-то просветлен, то ты от него об этом не узнаешь. Он, брат, будет тише воды, ниже травы. Мало того, ты его среди обычных людей вообще не отличишь.

– Хм, – удивился я. – А как же тогда понять, кто просветлен, а кто нет, и как найти такого?

– А никак, Саша, – ответил он, – но будь спокоен. Придет время, и ты встретишь своего учителя. Это будет так неожиданно для тебя, что ты сам удивишься. Так было и со мной. Мой учитель, когда я его встретил, был настолько обычный, что если бы мне кто-то тогда сказал, что он просветлен, то я бы просто рассмеялся. Он проработал на нашем предприятии технологом лет, наверное, тридцать, и никто не подозревал, что он просветленный. Я вообще-то сам пять лет работал чуть ли не рядом с ним, пока не понял этого.

– Неужто он ничем не отличался? – удивился я.

– Нет, ну так, конечно, нельзя сказать, что он вообще ни-

чем не отличался. Но представь себе, что он не пил, не курил, по бабам не шастал. На всяких там собраниях молчал. Никого никогда не поучал и не критиковал. А вместе с тем шутник был еще тот – когда иронизировал над кем-то, то это было очень весело, но никогда никого не обижало. У него и в жизни все как-то так ровно укладывалось, как по цепочке – одно за другим без особого труда. Мало того, ему несколько раз предлагали руководящую должность, но он отказывался, хоть и деньги обещали намного большие, чем он зарабатывал. Вообще корректный был мужик. Я, честно говоря, узнал, что он просветлен, совершенно случайно. Как-то в командировку поехали вместе. Несколько дней в машине в одной кабине провели. Пока ехали, говорили про жизнь, про смысл, про то, про се. Меня тогда по молодости все это очень интересовало – как тебя сейчас. Ну я и начал вслух об этом размышлять. И, представь себе, он мне Абсолютный Смысл в двух словах объяснил, и чуть ли не на пальцах. Я был вне себя от восторга. А потом, когда мы вернулись обратно из командировки, то продолжали быть просто приятелями. Вернее, это он относился ко мне как к приятелю, а я его уже считал своим учителем.

– И что? Ты никому не сказал, что он просветлен? – удивился я.

– Саш, да кому об этом рассказывать-то? Меня бы на работе высмеяли – что б Петрович и просветленный?! Ты что? Во-первых, он бы и сам рассмеялся. А к тому же большин-

ство людей это вообще не интересуется. Так что это так и осталось между нами. Потом, правда, оказалось, что он к тому времени уже несколько лет даже школу вел, и об этом тоже мало кто знал на предприятии.

– Слушай, Деда! Но если он школу вел, то об этом другие должны были узнать, – не унимался я.

– Ну, школа – это все же слишком громко сказано. Мы называли это школой, а он ее никак не называл. Было у него несколько учеников. Среди них и я тоже. Но в основном это были люди, которых действительно интересовало то, о чем мы с тобой обычно говорим. Он ведь, заметь, никому ничего насилу не втюхивал. Появлялся вопрос – он отвечал. Не спрашивали – не лез со своими советами да мудрствованиями, как некоторые. Потому и учеников у него было немного.

– Не, ну вообще-то ты тоже... Ты многое мне даешь.

– Э, что там я! Вот Петрович был... это да. Одним словом Человек, а вместе с тем тише воды, ниже травы.

– И что, где он сейчас?

– А я даже и не знаю.

– Как не знаешь?

– Пришло время, мы расстались. Давно это было – лет, наверное, тридцать тому назад.

– Неужели тебе не хотелось его найти и с ним пообщаться? – удивился я.

– Поначалу, конечно, хотелось, но потом я понял, что да-

же если мы встретимся снова, то я даже и не знаю, о чем мы с ним будем говорить и о чем мне его спрашивать. Посидели бы, наверное, просто помолчали, чаю попили, да и пошли бы каждый по своим делам. Понятно уже все. Что говорить-то?

– Не, ну а как у него жизнь? Или, там, как его дела?

– Да хорошо у него все.

– Откуда ты знаешь, Деда, что у него все хорошо?

– Так ведь, Саша, он же просветленный. У него наверняка все хорошо, – посмотрел на меня, улыбаясь, Дедушка Тао.

Девушки и цветы

– Дедушка, вот я люблю свою жену, а вместе с тем часто замечаю, что меня другие девушки тоже привлекают. Не то чтобы я, там, бросался на них, но... но они мне нравятся, – поделился я как-то своими размышлениями с Дедушкой Тао.

– Ну и что? Мне они тоже нравятся, – невозмутимо ответил он.

– Тебе?

– Да, а что? Они мне нравятся, но это ничего не значит.

– Хм! – удивился я.

– А что ты удивляешься? Девушки – они же как цветы. Тебе ведь цветы нравятся?

– Нравятся, – усмехнулся я.

– Но ты же не нюхаешь все подряд и уж тем более не срываешь их.

– Ну нет, конечно, – улыбнулся я в ответ.

– Вот видишь? Так что, Саша, любуйся другими, но люби свою жену и помни, что когда ты срываешь цветы, то они вянут. А если у тебя появился любимый цветок, то ты должен о нем заботиться и лелеять его. Иначе он завянет. Быстро завянет!

Верить или знать?

– Деда, а ты веришь в Бога?

– Нет, Саша, я не верю. Я знаю, что Он есть.

– Как так? – удивился я.

– Если бы физики не открыли правила термодинамики, а астрофизики не описали процессы, которые происходят во Вселенной – с константами, с огромным энергетическим ресурсом звезд; ядерщики не описали строение и принципы взаимодействия материи; психологи – того, как мы формируем наше поведение; микробиологи – строение клетки и того, что в ней происходит, а этологи – того, как животные думают, то я бы сейчас, наверное, тоже цитировал Библию. Поэтому я, Саша, не верующий, а знающий. Я знаю, что Он есть, и я даже догадываюсь о том, зачем Он создал нашу Вселенную. В этом мне, кстати, помогли астрофизики, ядерщики, психологи, микробиологи и этологи.

Магия – это просто!

– Что ты, Саша, такой грустный? Случилось что? – спросил меня однажды Дедушка Тао, посмотрев на мое хмурое лицо.

– Да так, с женой в последнее время все никак не укладывается, – ответил я, отводя свой взгляд.

– Что так? А раньше укладывалось?

– Да раньше вроде бы укладывалось, а вот сейчас почему-то нет.

– Отчего же?

– Да не знаю. Она сделалась какая-то вредная, категоричная, конфликтная. Меня это так раздражает, что я часто не могу сдержаться, ну и заканчивается все, конечно, скандалом.

– А раньше?

– А раньше... А раньше вроде бы все было нормально.

– То есть как – нежная, внимательная, красивая?

– Ну, как тебе сказать?

– Хм... Саша, а ты ее давно обнимал? Давно вы прогуливались по парку просто так, держась за руки? Цветы ты ей давно покупал? Давно ты ей говорил, что ее любишь?

– Да знаешь, Деда... В последнее время все как-то не было подходящего случая.

– Случая? А зачем тебе случай? Ведь ты же раньше, когда

вы только начали встречаться, не искал случая, чтобы сказать ей, что ее любишь, или чтобы просто обнять ее и поцеловать?

– Да я уже и сам не знаю – люблю я ее или уже нет.

– А куда она делась-то, любовь твоя? Раньше же была.

– Да, была, а вот сейчас уплыла, – улыбнулся я с горечью.

– М-да уж, – произнес Дедушка и замолчал, а чуть погодя продолжил меня «пытать». – Ну ты вообще-то помнишь тот день, когда вы встретились, и то, почему ты ее выбрал?

– Конечно, помню, – ответил я, усмехнувшись. – Она была тогда просто невероятно обворожительна – длинное голубое платье, длинные волосы, собранные сзади в узел, и... и эта улыбка. Меня тогда всего словно током проняло. Потом, спустя пару дней, когда мы вновь встретились случайно у доски с расписанием лекций на нашем факультете и я с ней заговорил, то я был вне себя от восторга, что это произошло и что это оказалось так просто. Потом мы действительно и в парках гуляли, держась за руку, и целовались на лестнице, и вообще...

– Саш, но ведь ты выбрал именно ее среди десятков других. Почему?

– Не знаю. Просто когда я ее увидел, я был уверен на все сто, что это именно она и никто другой. Другие меня тоже привлекали и даже нравились – и красивые, и умные, но когда я себе представлял, что буду жить с той или другой всю жизнь, то я долго уже не тянул отношений. А с ней все было

по-другому. Мне все в ней нравилось: и запах, и то, как она одевалась и как она себя вела, ее руки, кожа, глаза. Но вот... почему-то все это куда-то улетучилось.

– Знаешь, Саша, – чуть помолчав, сказал Дедушка Тао, – я со своей женой прожил долгую жизнь и понял одно – любовь нужно постоянно поддерживать.

– Как поддерживать?

– Очень просто. Хватит иногда просто подойти и обнять, приласкать, поцеловать, сказать, что любишь. Да просто погладить. Поверь мне, что этого вполне хватает. Это то, что наши близкие от нас ждут больше всего, а уж тем более женщины. Это вроде бы такие простые слова и действия, но... они как магия – изменяют все в один миг, и все вновь возвращается к тому первому дню. Не веришь? Попробуй!

– Хм... ладно, попробую, – ответил я. – Но я сомневаюсь, что на мою жену это подействует.

Дедушка Тао только загадочно улыбнулся мне в ответ.

Через несколько дней, когда мы вновь встретились, я не смог удержать улыбку.

– Что так радуешься? – спросил он меня как всегда с хитринкой в глазах. – Неужто подействовало?

В ответ я еще больше начал улыбаться.

– Дедушка! Откуда ты все это знаешь?

– Эх, Саша! Я целую жизнь прожил, – ответил он мне. –

Мы все люди, и нам всем нужно то же самое – ощущение, что тебя любят. В этом даже растения на подоконнике нуждаются.

– Растения? – переспросил я.

– А ты думал? Они же тоже живые! Живые! А значит, понимают то, как к ним относятся. А тут не просто человек, а любимый человек. А вообще мы – люди – странные создания, нуждаемся в том, чтобы нас кто-то полюбил и обнял, а сами обычно никого не хотим обнять просто так. А ведь это так просто! А тем более своего спутника по жизни, которого сами же и выбрали. Заметь, что нам ведь никто его силой не навязывал. Это такая мелочь, но какой эффект!

– Да уж, – ответил я многозначительно и понимающе улыбнулся, вспоминая момент, когда я после нашего разговора вернулся домой, подошел к своей жене – она была в кухне занята чем-то у плиты – и просто так ее обнял. А потом, прикоснувшись к ее голове своей головой, сказал: «Прости меня, любимая! Я, кажется, такой идиот!»

То, что было потом... Впрочем, это уже останется между нами.

А вообще, ребята, магия – это так просто!

Смотреть на звезды

– Деда, а что ты любишь делать больше всего на свете? – спросил я Дедушку.

– Вот так вот сидеть и смотреть на звезды, Саша, – улыбнулся он мне.

– Почему? – удивился я.

– Звездное небо не просто восхитительно. Оно спокойно, уютно, приветливо, как дом. Впрочем, это и есть наш дом. Когда-то мы – и ты, и я, все наши любимые и близкие – вернемся в него и останемся там навсегда. А жизнь на Земле сохранится в нашей памяти как один из эпизодов нашей вечной жизни – как школа, которую мы когда-то оканчивали.

Мы немного помолчали.

– Вот знаешь, Деда, если бы мне об этом сказал кто-то другой, то я бы не то что удивился. Я бы просто не поверил. А тебе я верю, – сказал я.

– Ну и славно, – улыбнулся он мне, а потом добавил: – Вообще-то, вера это, конечно, хорошо, Саша, но это всего лишь вера. Вот придет момент, и ты будешь абсолютно уверен в том, о чем мы сейчас говорим, потому что тогда ты сам уже будешь знать, что это именно так и есть. Как то, что мы сейчас сидим рядом и глядим на звездное небо.

Ощутить настоящее

«То, что ты буквально сейчас прочел или о чем-то подумал – это, Саша, вообще-то уже далекое прошлое, и нет никакой разницы в том, произошло это всего лишь секунду назад или тысячу лет назад. Поэтому привязываться к прошлому нет никакого смысла.

Вместе с тем парадокс восприятия обыденной реальности заключается в том, что без прошлого нет настоящего, но только в настоящем мы можем ощущать самих себя, а значит, постепенно научиться быть в состоянии «здесь и сейчас». Такова, брат, специфика настоящего», – вспомнил я как-то недавно слова Дедушки Тао.

Бывают женщины

– Бывают женщины с виду невзрачные, как серые утки, но в присутствии их мужчин они становятся красивые и обаятельные. При этом они почти ничего не меняют в своей внешности. А есть женщины с виду красивые, но как только начинаешь с ними общаться, то с первых слов понимаешь, что они, увы, скучота и серость. Их красота вдруг куда-то девается, и даже присутствие мужчин не делает их обаятельными. Может быть, потому, что у них нет их любимых мужчин? А может быть, потому, что они просто не умеют любить других, кроме самих себя? Скорее всего последнее, – так мне однажды сказал дедушка Тао, а потом добавил: – Не путай, Саша, серый цвет с серостью. А вообще, у каждого мужчины должна быть своя «серая утка», тогда и он, и она будут счастливы.

Детские «недетские» мысли внученьки Нади

– Деда, что такое благотворность? – однажды спросила Деда моя дочка.

– Благотворность – это делание только добра – то есть блага.

– А откуда берется благо?

– Из благосостояния.

– А благосостояние?

– Из благополучия.

– А благополучие?

– Из благодарения.

– А благодарение?

– От благодеяния.

– А благодеяние?

– От милосердия.

– А откуда идет милосердие?

– Милосердие от сострадания.

– А сострадание?

– От сочувствия.

– А сочувствие?

– От сопереживания.

– А сопереживание?

- От любви.
- А любовь берется откуда?
- Из души.
- А душа?
- Выросла из духовного начала.
- А духовные начала откуда?
- Выросли из духовных частичек.
- А духовные частички?
- Они из Солнца.
- А Солнце откуда?
- Оно часть Вселенной.
- А Вселенная как возникла?
- Из Большого взрыва.
- А Большой взрыв?
- Из мысли Абсолюта. Он подумал о ней и ее создал.
- А зачем же Он ее создал?
- Как энергию для духовных частичек. Часть энергии стала материей.
- А зачем материя?
- Как среда для духовных частичек – вещество в виде атомов и молекул.
- А зачем они?
- Чтобы строить из них свои организмы.
- А зачем им организмы?
- Накапливать больше энергии.
- А зачем накапливать энергию?

– Чтобы расти и развиваться.

– А зачем расти и развиваться?

– Чтобы когда-то стать человеком.

– А зачем нужно стать человеком?

– Только человек может достичь духовного совершенства.

– А зачем достигать совершенства?

– Чтобы вернуться домой – к Абсолюту – туда, откуда мы

вышли.

– А что значит – быть совершенным?

– Иметь в душе только чистые мысли.

– Чистые мысли это какие?

– Наполненные безусловной любовью.

– Любовью к кому?

– Ко всем и ко всему.

– Почему же это так важно?

– Потому что Он – это энергия разума – то есть умная энергия, и Она не создает деструкцию, а только гармонию.

– Если Он – это умная энергия, то почему в мире столько зла и агрессии?

– Это не Он, а духовные частички проявляют зло и агрессию по отношению друг к другу.

– Почему?

– Чтобы иметь больше энергии, более сильные организмы поглощают более слабые.

– Разве они не знают, что слабых обижать нельзя?

– Знают, но им хочется есть.

– Значит, каждый хочет быть большим и сильным?

– Да, и потому души стараются развивать свои организмы, а тем самым развиваются сами.

– А как они развиваются?

– Стараясь приспособиться к своей среде, они вынуждены больше знать о ней. А кроме того, они тоже рожают детей и переживают за них.

– Значит, они тоже любят своих детей?

– Конечно.

– А разве они не могут есть что-нибудь иное, чем другие организмы?

– Это могут только растения. Они питаются лучами солнца.

– Значит, корова кушает солнце?

– Да. А вообще-то все мы питаемся солнцем. Растения питаются солнцем, травоядные животные питаются растениями, а травоядных животных едят хищники.

– Значит, мы тоже хищники?

– В общем да, но, в отличие от них, мы уже сами можем выбирать то, кем мы хотим быть, и то, что хотим есть – мясо или только растительную пищу.

– Я не хочу быть хищником.

– А кем ты хочешь быть?

– Хочу быть растением – например деревом.

– А если тебе надоест стоять на одном месте и ты захочешь куда-то пойти?

– Тогда я хочу быть коровой?

– Но тогда ты должна будешь есть растения, а они ведь тоже живые. А кроме того – что, если тебя захочет съесть волк?

– Тогда я его забодаю.

– Но волк хищник, и у него острые зубы.

– А если я умру?

– Ты не бойся, внученька, – души не умирают.

– А что тогда умирает?

– Тело.

– Деда, я хочу быть человеком!

– Ты уже человек.

– Но я хочу стать Человеком, ведь только он может стать совершенным и вернуться домой.

– К Абсолюту?

– Да!

– Но для этого ты должна стать совершенной.

– ... и иметь благотворные мысли.

– Да, моя умница! Старайся быть благотворной!

– Но это так трудно, Дедушка!

– Да, Надюшка. Знаю. Это очень трудно, внученька, но я знаю, что у тебя получится.

Дао, Будда и Святая Троица

– Деда, что тебе ближе по духу – буддизм или даосизм? – спросил я как-то Дедушку Тао.

– Ты знаешь, Саша, мне близко и первое, и второе, но вообще-то мне больше по душе христианство.

– Как христианство? – не мог я скрыть своего удивления. – Ты мне никогда не говорил о христианстве – и вдруг...

– И все же, Саша. А впрочем, что ты удивляешься? Оно, по моему мнению, более интеллектуально и даже более философично, что ли, чем остальные.

– Не, ну тут, Деда, ты меня вообще поразил! – еще больше удивился я. – В чем же его интеллектуальность? Вот я понимаю, например, буддизм с его пристальным вниманием к сознанию и самосознанию! Он помогает прежде всего понять самого себя и тем самым «открыть» в себе Будду, а значит, освободиться от привязанности ко всему, в том числе и к самому себе, и в итоге просветлеть. Ведь фактически даже в современной психологии используют то, что в буддизме уже давно известно. Или даосизм, который, скажем так, является способом жизни совершенномуудрого, когда он уже живет спонтанно по принципу деяния в недеянии. Это такой высокий уровень, которого мало кто достигает. А что касается христианства, то мне, например, всегда казалось, что оно – как бы это мягче выразиться – архаично, что ли.

– Ты просто его воспринимаешь как нечто архаичное, поскольку оно у тебя по всей видимости набило оскомину терминологией, которая используется в Библии вот уже столько столетий.

– Ну, в общем, да! Мы же живем уже в двадцать первом веке, а для меня все эти выражения, такие как «царство небесное», «грехопадение», всякие там «Святые Троицы» и тому подобное, вызывают лишь умиление, – усмехнулся я.

– Саша, что касается языка Библии, то я согласен с тем, что он действительно не совсем современен. Но, с другой стороны, как бы ты сам объяснял людям почти две тысячи лет тому назад идею христианского мировоззрения? Ведь тогда слова «царство», «грех», «слуга» или «раб» были такими же обычными, как для нас сейчас, к примеру, «конституция», «интеллигент», «уголовный кодекс» или, скажем, «система образования». Библия ведь пыталась объяснять все это на языке современников. Сейчас я уверен, что Иисус говорил бы с нами несколько иначе.

– Ну и как бы он, по-твоему, объяснил, например, такое понятие, как Святая Троица – то есть Бог Отец, Бог Сын и Святой Дух? И вообще при чем тут Троица, если считается, что Бог един?

– А что, по-твоему, вообще Бог?

– Ну, это некий Абсолютный Разум.

– Вот видишь – Разум. Но поскольку мы живем во Вселенной, которая создана этим Абсолютным Разумом, то можно

сказать, что это некий активный Разум. Согласен?

– Ну, в общем, да. Хотя, Деда, мне как-то с трудом представляется то, что Он все это создал, да и что это вообще кто-то создал.

– А что? Само, что ли?

– А почему бы и нет?

– А из чего?

– Из... Ну просто взялось и... и создалось, – ухмыльнулся я.

– Видишь, Саша! Ты уже сам смеёшься над тем, что сказал, и сам понимаешь нелепость такого подхода. Посмотри, какой огромный энергетический ресурс – эта наша Вселенная! Мириады галактик с мириадами звезд – это целый океан бушующей энергии. С другой стороны, как нам известно, все это существует вот уже почти четырнадцать миллиардов лет. Нам ни такое количество энергии, ни такое количество времени невозможно себе даже представить. А самое главное то, что в ней ведь все уравновешено. Я уже не говорю о жизни на Земле. То есть изначально, кроме самой энергии, в качестве основы Вселенной заложены определенные константы или так называемые постоянные величины. Они обуславливают не только само существование материи во Вселенной на макро- и на микроуровне, но и ее развитие. Саша, само по себе что-то такое просто не в состоянии возникнуть.

– Что ты имеешь в виду?

– То, что Абсолютный Разум создал Вселенную, а это

в свою очередь означает то, что она Ему была нужна. Мы же сами ничего просто так не делаем. Посмотри вокруг – все, что создано нами, является результатом нашей определенной потребности. Не иначе.

– А почему ты считаешь, что у Него была во Вселенной какая-то потребность? Может, это просто игра скупающего Бога?

– Ничего себе игра! С таким количеством энергии? Ну, Саша, ты даешь! У Него все серьезно и все продумано. А кроме того, заметь, что ведь было время, когда Вселенной не существовало, а потом она появилась. Это дополнительный довод в пользу того, что ее появление обусловлено определенной потребностью в ней. Впрочем, сейчас не о том, зачем Ему была нужна Вселенная, а о том, с чего мы начали – с Троицы, и о том, почему я считаю, что христианский взгляд на мир более интеллектуален и философичен, чем другие религии?

– Ну да.

– Итак, обрати внимание, что когда мы говорим о создании чего-то, то в этом процессе необходимо всегда учитывать три элемента. Первый – это то, что существует некий инициатор того, что будет создаваться; второй – это сама идея создания, которая естественно происходит от инициатора; ну и третий – это, конечно, энергетический аспект. Вот, скажем, у тебя в сознании появилось желание нарисовать картину. Ты ее уже видишь в голове. Таким образом,

можно сказать, что некий субъект Саша создал объект – образ. Но сам по себе образ в голове это еще не полноценный объект, поскольку сама мысль об образе – это всего лишь мысленное оформление твоей идеи. То есть она существует лишь в форме интенции и ничем не проявляется для других. Согласен?

– Согласен.

– Что еще нужно для того, чтобы появилось изображение?

– Рисовать.

– Правильно – процесс изображения образа на полотне.

В данном случае его материализация. А для этого что необходимо?

– Холст, кисти и краски.

– Ну, допустим, что это у тебя уже есть. Что нужно для того, чтобы кисти пришли в движение?

– Руки.

– А руки за счет чего приходят в движение?

– За счет мысли.

– Это да, а что еще? Самое важное!

– Хм, – задумался я.

– Саша, чтобы руки двигали кистями по холсту, необходима энергия, которая приводит эти руки в движение.

– То есть что?

– Видишь, для тебя поднимание и опускание рук совершенно естественно: ты подумал – и рука поднялась или опустилась. Подумал – и рука взяла кисть, а потом подумал –

и она наносит краску на полотно. Мы обычно даже не задумываемся над этим аспектом. А ведь он является одним из самых важных. Итак, идея от кого исходит?

– От инициатора.

– Но чтобы она воплотилась, что необходимо?

– Энергия. Ладно, Деда, все это понятно, но все же при чем тут Бог Отец, Бог Сын и Святой Дух? Мы же начали разговор со Святой Троицы.

– Итак, теперь о Троице. Вот смотри – Бог Отец, или, как мы говорим, Абсолютный Разум, является инициатором в нашем случае Вселенной. В определенный момент у Него появилась потребность в ней и Он о ней подумал. Иначе говоря, идея ее появления является Его производной или проще говоря Его Сыном – в символическом смысле, конечно. Сын ведь от отца происходит. Но чтобы идея реализовалась, необходима энергия. Она для простого понимания в Библии и названа Святым Духом.

– Деда, но ведь Вселенная это прежде всего материя – звезды, космическая пыль, планеты, природа на Земле, животные, птицы, мы – люди. Как это согласуется с идеей энергии?

– Саша, ученые уже давно поняли, что та или иная материя – это всего лишь форма проявления энергии. А кроме того, заметь, что науке уже более-менее известно то, из чего складывается Вселенная. Это прежде всего так называемая темная энергия – ее примерно семьдесят четыре процен-

та, темная материя – двадцать два процента, межгалактический газ – три и шесть десятых процента, и только четыре десятых процента, Саша, занимают звезды. Так что, как видишь, большую часть Вселенной занимает энергия или, скажем так, Святой Дух, как это названо в Библии, – улыбнулся мне Дедушка Тао, – таким образом через Троицу в христианстве объясняется принцип создания нашей обители – Вселенной. Впрочем, важно не только это, а еще и само понимание того, каким образом происходит процесс воплощения или, иначе говоря, осуществления любой идеи. То есть, чтобы нечто реализовалось, необходимы три элемента – не только сам по себе инициатор, его идея, но и энергия для реализации этой идеи. Это три столпа, на которых зиждется все, что нас окружает. А сам Инициатор без Идеи и без Энергии не проявляется – по крайней мере для нас – людей. Как видишь, уже тогда в процессе созидания подразумевался энергетический аспект. Правда, выразить его на языке того времени было трудно. Нужны были понятные аллегории и символы. Это мы сейчас говорим «энергия», и каждый более-менее понимает, о чем идет речь. А тогда... – улыбнулся мне Дедушка, глядя поверх очков. – Теперь, Саша, заметь еще одну особенность – Дух ведь определяется как Святой, а не просто Дух сам по себе.

– Ну и что это значит?

– А то, что Святость – это исключительно благотворное проявление энергии. То есть подразумевается, что энергия

должна использоваться исключительно на благие дела, только тогда реализуемые идеи имеют все шансы на равновесие, а значит, могут иметь возможность оставаться вечными. Так что Святость, Саша, это созидание, а не деструкция; отдавание самого себя другим, а не узурпация; добродетель, а не вред; беззаветная любовь, а не зло и ненависть. Как видишь, ни в буддизме, ни в даосизме, ни даже в иудаизме, в отличие от христианства, о Святой Троице ничего не говорится, а это основа понимания не только того, как создается нечто благотворное, но и описывается принцип так называемого божественного акта творения. В буддизме, например, придерживаются пустотности всего, и потому о созидательном аспекте вселенского масштаба стараются не говорить. А такого понятия, как «душа», вообще избегают. Впрочем, конечно, какая там душа, если считается, что все вокруг иллюзорно? Таким образом получается, что и привязываться-то особо не к чему. Это в свою очередь устраняет наличие какого бы то ни было окончательного Абсолютного Смысла, а значит, не объясняет смысла существования человека, Вселенной, самого Бога. В свою очередь в даосизме говорится, что изначально уже существует некое Дао как вселенский принцип и задача его – последователей понять принципы, по которым оно существует, и тогда, следуя им, можно стать совершенномудрым и жить долго и счастливо. О том, откуда появилось Дао, даосизм не распространяется. Лао-цзы говорит: «О, глубочайшее! Оно кажется праотцом всех вещей».

Всего лишь. Самого Абсолюта он в нем не пытается узреть, да в общем-то и не принято об этом рассуждать в даосской среде. Есть Дао, и этого вполне хватает. Кроме того, заметь, что ни в первом, ни во втором учении вообще нет такого понятия, как Творец или Абсолютный Разум. А в христианстве не только Творец, но и сам принцип творения, выраженный через Святую Троицу.

– Но все же почему так важно понимание Троицы? Зачем это нам?

– Потому, Саша, что Он заинтересован только в совершенных душах, то есть тех, кто в процессе своей активности уже не проявляет агрессию и деструкцию, а является уже в высшей степени благодетелем. Об этом ведь и Иисус говорит: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный». А для этого необходимо научиться предвидеть последствия своих действий, а значит, иметь определенный опыт оперирования энергией, то есть понимать, каким образом мысли способны материализоваться – иначе говоря то, каким образом они активизируют энергию в процессе жизнедеятельности и какие последствия имеют для нашего окружения – прежде всего негативные.

– И все же, Деда, я не совсем понимаю, почему Он заинтересован в совершенных душах?

– Прежде всего, Саша, необходимо учесть то, что Он создал нас по своему духовному подобию. То есть изначально мы являемся Его духовными частичками, каждая из которых

в свое время сольется с Ним. А слившись с Ним, она станет Его интегральной частью, подобно тому, как капли воды сливаются с океаном. А это значит, что не только наши мысли будут частью Его, но и Его мысли станут частью такой души. Вместе с тем важность этого заключается в том, что такая душа будет подключена не только к самому Разуму, но и к Его огромному энергетическому ресурсу. Ведь Абсолютный Разум – это также и Энергия. Огромная Энергия! Поэтому каждая такая душа будет обладать способностью тут же реализовать каждую свою мысль – то есть ее мысль автоматически будет приводить в движение огромное количество энергии точно так же, как, скажем, мысль о поднятии или опускании руки приводит нашу руку в действие. А теперь представь себе, что в Абсолюте появляется несовершенная духовная частичка, в которой еще есть негативные или даже деструктивные мысли, а еще хуже, не изжитые агрессивные наклонности. Тогда о каком бы то ни было равновесии в самом Абсолюте нечего и думать. Таким образом, необходима будет дополнительная энергия на то, чтобы сначала нейтрализовать мыследеятельность такой частички, а затем вновь достигать равновесия.

– Неужели Абсолютный Разум не справится с такими частичками или их мыслями?

– Он-то конечно справится, – усмехнулся Дедушка Тао, – но ведь смысл не в том, чтобы Там с кем-то справляться и кого-то воспитывать, а в том, чтобы не допускать ситуации,

когда Там необходимо кого-то воспитывать. А кроме того, после этого необходимо еще и регулировать равновесие после такого воспитания. Но заметь, что необходимо будет регулировать равновесие не где-то в вынесенной вне себя системе – Вселенной, а уже внутри самого себя. Поэтому Его единственное требование к нам и основное условие возвращения Домой к Нему – это наше духовное совершенство. Вот и Иисус тоже призывал к совершенству. Он это понимал лучше других, потому он и считается мессией. Кстати, обрати внимание, что одним из показателей духовного совершенства он считал Любовь, и призывал он не просто к любви к ближнему, а именно к безусловной любви, а значит, к проявлению своих мыслей и собственной энергии только благотворно и созидательно в соответствии с тем, о чем и подразумевается в Святой Троице и что является основным условием духовного совершенства.

Что в нашей жизни главное

– Деда, что в нашей жизни главное? – спросил я как-то Дедушку Тао.

– Позитивные эмоции, – ответил он, не задумываясь. – Их необходимо культивировать и поддерживать. И этому нужно учиться, Саша, поскольку негативных эмоций у нас обычно хоть отбавляй. Нам их сама жизнь подсовывает, да и мы их обычно сами производим и делимся ими с другими.

– Хм, – подумал я, – вообще-то, с этим трудно не согласиться, но как этому учиться?

Парадоксы гармонии

– Знаешь, Деда, я в последнее время за собой замечаю странную вещь – когда моя жена дома, то для меня это настолько обычно и повседневно, что я на это даже не обращаю внимания. Но как только она куда-то выезжает, хоть на один день, то у меня все из рук валится. Мне ничего не хочется делать, а тем более для самого себя. У тебя тоже так было? – спросил я Дедушку Тао.

– Почему было? У меня так до сих пор, – ответил он мне, улыбаясь.

– Неужели? Вы же столько лет уже прожили! – удивился я.

– Вот именно, Саша – столько лет! Энергия, брат! Жена столько лет делится с тобой собой, а ты с ней. И чем дольше, тем больше она становится твоей половинкой, а ты ее. Ну как в символе Тай Цзи. Видел, наверное? Древние мудрецы не дураки были. Понимали это, вот и изобразили. Жизнь ведь тогда нормально укладывается, когда все в равновесии, когда никто никому не мешает, а вместе с тем каждый выполняет то, что другому хорошо. Тогда и жизнь в радость. Это нужно ценить, поскольку в обычной повседневности это становится обыденным. В этом и заключается парадокс гармонии – когда она есть, то обычно не замечается.

– А почему не замечается?

– Ну сам посуди – взять, например, наш организм. В нем

в течение миллионов лет эволюции все настолько отшлифовано, что мы даже волос на голове не ощущаем, а ведь у некоторых на голове еще и вычурные прически бывают! А в организме столько всего происходит! Но гармония, брат, как ты сам заметил, очень хрупкая вещь. Чуть что не так, то и... Поэтому нужно ценить моменты, когда любимый человек рядом. Он ведь и создает эту гармонию. А то, что из рук все валится, когда жена выезжает, так это нормально. Ведь половинка это все же не целый организм.

Под пристальным взглядом Абсолюта

– Деда, ты слышал о так называемой «двойственной природе» материи? Например, электроны, когда за ними наблюдают, то они себя проявляют как материальные частицы, а когда перестают наблюдать, то как волны, – спросил я как-то Дедушку Тао.

– Слышал, и что? – посмотрел он на меня с обычной хитринкой в глазах, когда предчувствовал интересный разговор.

– Не, ну тогда получается, что все, что мы наблюдаем вокруг, это вообще-то иллюзия, создаваемая нашим сознанием, и что фактически ничего вокруг нет, кроме пустоты, – ответил я.

– И что – ты этому веришь?

– Ну, знаешь, когда о непосредственном влиянии наблюдателя на «поведение» электронов в эксперименте высказываются многие ученые и это подтверждается экспериментами даже с молекулами, то как-то трудно им не верить.

– Ну так в чем же дело?

– Деда, меня волнует вопрос – тогда каким образом существует наша материальная действительность со всеми этими атомами, молекулами, химическими элементами, со всей этой природой и тому подобно, если опыты показывают, что

обычный электрон проявляет себя как волна, если за ним не наблюдают? Ведь не может быть так, что если я закрываю глаза, то мир вокруг меня тут же исчезает, а когда я их открываю, то он вновь появляется.

– Нет, Саша, мир не исчезает, если мы закрываем глаза. Наша возможность влиять на окружающую действительность только лишь одним наблюдением за ней слишком мала по сравнению с тем, как устроена материя и насколько она стабильна по своему строению.

– Как же тогда относиться к тому, что говорят ученые?

– А что ученые? Они молодцы. Они заметили эту особенность. Правда, они делают слишком уж поспешные выводы из специфики взаимодействия нашего сознания и окружающей нас материи.

– То есть, что ты хочешь сказать?

– Ну вот смотри – сами ученые подтверждают то, что существуют не просто звезды, а целые галактики, и их сотни миллиардов. А ведь это сам по себе огромный энергетический ресурс! Наш взгляд в ночное небо не способен создать все это, а уж тем более на это влиять. Мы не в состоянии взглядом влиять на обычные предметы вокруг нас – например, передвигать их или как-то еще, а тут целая Вселенная. Тем более, что все, что мы видим на ночном небе, это всего лишь отражение далекого прошлого – того, что было пару миллионов лет тому назад. Ведь столько к нам летит свет от этих звезд. В реальности все это выглядит уже ина-

че. А некоторых звезд, свет которых мы еще видим, в данный момент вообще уже нет. Вместе с тем ученые показали способ того, как создавалась Вселенная, и именно того, как мысль способна создавать не просто виртуальную, а материальную реальность. Ведь мысль и энергия, как мы с тобой как-то говорили, взаимосвязаны. А кроме того, мы знаем, что материя сама по себе это лишь форма существования энергии. Заметь, что самое главное в этом процессе то, что электрон, когда он находится под наблюдением, проявляет себя как частица, а не наоборот – из частицы становится волной. Но в данном вопросе важен прежде всего энергетический потенциал наблюдающего сознания. Чтобы оно могло влиять на то, за чем наблюдает, его энергетический потенциал должен намного превышать потенциал наблюдаемого объекта или даже целой системы. Поэтому получается, что, наоборот, система – например Вселенная, влияет на нас – на маленьких наблюдателей, а не мы на нее. Вот это ученые почему-то забыли учесть. Хотя, с другой стороны, они объяснили то, что Вселенная тоже находится под наблюдением, правда, не нашим.

– Честно говоря, я не совсем понимаю, что ты имеешь в виду.

– Я имею в виду то, что не просто наш мир, а вся Вселенная проявляется материально потому, что она находится под постоянным наблюдением.

– Кого или чего?

– Как кого?! Того, кто ее создавал – Абсолютного Разума. Это прежде всего Его мир, и поскольку Он за ним наблюдает, то и сохраняется его стабильность, несмотря на всю динамику процессов во Вселенной. Если учесть, что сама по себе известная нам проявленная физическая материя – это всего-то каких-то три процента от всей Вселенной, а остальное – это так называемая «темная материя» и «темная энергия», которая вообще непонятна для ученых, то можешь себе представить то, каков может быть энергетический потенциал Абсолютного Разума. Он значительно превышает весь этот материальный космос. Вместе с тем заметь, что Он является беспристрастным наблюдателем и, однажды задав всему этому определенный ход развития, не вмешивается в его процессы.

– Ты хочешь сказать, что Он и на нас смотрит?

– Конечно! Ведь Он везде. Фактически это мы в Нем пребываем.

– Почему же Он не вмешивается в то, что происходит на Земле? Ведь наш мир был бы намного лучше, если бы Он смотрел, так сказать, с пристрастием и карал тех, кто сеет зло.

– Саша, смысл не в том, чтобы вмешиваться в процессы, а, наоборот, в том, чтобы им не мешать.

– Хм. Ну, Дедушка, ты меня удивил! Зачем же тогда было создавать Вселенную и вообще все то, что происходит на Земле, если потом все это оставить на самотек? – не унимался я.

– Ну не до конца на самотек. Абсолют создает Вселенные – а Он их скорее всего периодически создает – не просто как среду обитания своих изначальных частиц – духовных начал, а прежде всего как среду для их развития и совершенствования. Ведь Он заинтересован только в совершенных духовных началах – то есть уже в какой-то мере равных себе, и когда такие начала достигают совершенства, Он их может принимать обратно. А это прежде всего те, кто уже лишен деструктивных мыслей и обладает лишь благотворными интенциями, а значит, те, кто не будет нарушать равновесие системы, какой является сам Абсолют. А чтобы избавиться от чего-то, а особенно от деструктивных атавизмов, нужно уметь их вычленять, а значит, хорошо знать их – то есть в свое время их пережить на собственном опыте. Иначе, Саша, никак! Как ты сам знаешь, природа устроена таким образом, что для того, чтобы выжить, каждый организм должен поглотить массу других организмов. То есть агрессия заложена уже в желании организма выжить. Так что изначально она является залогом жизни. А вот на определенном уровне – на человеческом – от нее уже не просто можно, а нужно избавляться.

– Возможно такое вообще? – удивился я.

– Конечно, ведь если хищник или травоядное животное не может изменить своей природы, то на человеческом уровне это уже можно делать, а главное можно сознательно отказываться от агрессивных наклонностей – залога выживания

в прошлом – и совершенствоваться уже сознательно, постепенно становясь исключительно благотворным по отношению к среде и другим. Это, Саша, можно только на человеческом уровне. И вот наступает момент, когда душа того или иного человека не просто переживает просветление, а становится окончательно лишённой агрессии. Она таким образом приближается к совершенству подобно Абсолюту. Тогда для нее появляется возможность «вернуться домой» – то есть туда, откуда мы все когда-то вышли. Но повторяю, что вернуться Домой можно только будучи совершенным – то есть полностью избавленным от агрессии. И тогда такая душа сливается с Ним и становится Его интегральной частью.

– Знаешь, Деда, я как подумаю о том, что когда-то, сливаясь с Ним, я потеряю ощущение самого себя, то... Мне все же не очень хочется расставаться со всем этим, – сказал я, немного поразмышляв над всем тем, что услышал.

– Не переживай, Саша, – усмехнулся Дедушка Тао, как всегда добродушно глядя на меня, – никто Там не собирается забирать твоей индивидуальности. Наоборот, сливаясь с Ним, ты получаешь намного больше. Ты подключаешься к Нему – ко всем Его мыслям и к Его энергии. Ведь по сути дела Абсолютный Разум – это бесчисленное количество совершенных душ, и весь феномен Абсолюта как раз и заключается в том, что мысли каждой из них – это мысли других, а мысли всех могут быть мыслями каждой.

– Возможно вообще такое? – удивился я, недоуменно гля-

дя на Дедушку Тао.

– А как же? – рассмеялся он. – Ну вот смотри – например, в твоей голове миллиарды нейронов. Это не меньше, чем звезд в нашей галактике, но тем не менее твое сознание сохраняет не просто целостность, а способность думать, действовать и даже создавать. Притом ты же что-то создаешь не бездумно. Сначала появляется потребность в чем-то, а значит, мысль об этом, а затем уже план действий и так далее. Только тебе для реализации своих планов и материализации того, что ты планируешь, пока необходимо тело, а Ему оно не нужно. Он подумал и создалась Вселенная. Он смотрит на нее, и она существует.

Самая умная часть нашего тела

Однажды мы – Дедушка Тао и я – сидели на нашей любимой лавочке над рекой и молча глазели вдаль. Вдруг он повернулся ко мне и с хитринкой в глазах спросил:

– А скажи-ка мне, Саша, какая часть тела у человека самая умная?

Чувствуя подвох, я не спешил с ответом. Вместе с тем размышлял:

«Голова? Сердце? А может, желудок?»

– Хм, не знаю, – улыбнулся я.

– Стопы, – ответил он мне, тоже усмехаясь.

– Стопы? – удивился я.

– Да, стопы – это самая умная часть нашего тела, поскольку, как говорят даосы, они дальше всего от глупой головы, которая придумывает проблемы, от которых часто страдает не только душа, но и само тело.

– А вообще, – продолжил он чуть позже, глядя уже перед собой, – раньше ведь транспорта не было. Это сейчас все сидят, а раньше мы ходили. Много ходили. Хождение было обычным и даже вынужденным делом. Все континенты заселили и покорили пешком. Именно пешком, Саша, а не на автомобилях или велосипедах, и даже не на конях!

Дед на минуту задумался, глядя куда-то вдаль, а потом, вздохнув, продолжил:

– Да, ходьба – это хорошо! Ноги идут себе, шагами отмеряют расстояние. Час за часом! Верста за верстой! Несут тело. Кровь в жилах пульсирует чуть быстрее, чем обычно. Тело разогрето, а нисколько не устало – идет себе и идет. Душа в это время занята совсем другими делами – смотрит по сторонам, на облака, на проплывающие пейзажи, на холмы, лесочки, кустарники, деревушки и селения, думает, разговаривает с попутчиками, мечтает, иногда поет про себя или вслух, а тело плывет себе и с каждым шагом все дальше от дома или ближе к нему. Левой, правой, левой, правой. Сто верст – не расстояние. Всего-то пару дней пути. Так что, Саша, ноги в те времена были крепкими. Связки и сухожилия как из стали. Дыхание ровным и глубоким. Легкие чистые.

– А бег? – удивился я. – Ведь бег – это здоровье. По крайней мере так говорят врачи.

– А что врачи? Много они там понимают? Бег – это вообще-то для организма экстрим. Конечно, если голова скажет, то ноги побегут. Куда они денутся? А вообще, посмотри – много людей бегают вокруг? Единицы, да и далеко ли ты забежишь? И как долго сможешь бежать? А потом ведь организму нужно отдохнуть. Опять набраться энергии. А когда идешь, то она оптимально активизируется и не тратится понапрасну, как во время бега. А, собственно, спешить-то куда? Некуда. За этим днем – следующий, а за ним следующий. Так и плывут неделя за неделей, год за годом, и ты вместе с ними. А вообще, перед тобой еще как минимум пятьде-

сят лет жизни – успеешь сделать все, что задумал. Эх, молодость – голова горячая. Всего быстро хочется!

Дед замолчал, но через некоторое время продолжил:

– А когда идешь, Саша, то живот не только работает ровно. Он, как мех в кузне, с каждым вдохом и выдохом спокойно гонит энергию по всему телу и вверх по позвоночнику к голове. насыщает голову – оттого и мысли все спокойнее. Смотришь по сторонам, получаешь впечатления. Мысли текут себе размеренно, неспешно. Одни вытесняют другие, и постепенно забываешь о невзгодах и опасениях, о переживаниях и расстройствах. Наши предки не дураки были, знали, что говорили. Так-то! – закончил свое повествование Дедушка Тао.

Затем, чуть помолчав, он взглянул на меня и добавил:

– А когда исчезают твои собственные мысли, то приходят другие – Его подсказки Оттуда, – указал Дед пальцем вверх и посмотрел в голубую высь.

– Как так? – удивился я.

– Ну это как-нибудь в другой раз, – усмехнулся он.

Мы продолжаем сидеть, молча глядя вдаль, где на горизонте небо соединяется с Землей.

«Ну, Дедушка! – подумал я. – Бывало, молчит, а потом как выдаст... М-да уж!»

Люди – странные создания

– Вообще, Саша, люди – странные создания. Обычно мучаются от собственного одиночества, а с другими не могут ужиться. Хотят быть любимы, а сами ничего для этого не делают. Врут другим, но часто верят в то, что слышат от них. Требуют от них совершенства, а сами далеко несовершенны, – сказал мне как-то Дедушка Тао.

– Впрочем, как это ни странно, но среди людей не все люди. Увы! Есть еще очень много нелюдей, хоть внешне они выглядят как люди. Но об этом как-нибудь в другой раз, – чуть погодя, добавил он.

Прямое нужно сгибать

– Прямое нужно сгибать, а согнутое выпрямлять. Тогда можно достичь «золотой середины». Иначе говоря, Саша, следует избегать крайностей. Это старая даосская мудрость, – сказал мне однажды Дедушка Тао.

«Ну да, он умный, – подумал я тогда. – Он уже долго живет. Знает жизнь не понаслышке. Ему проще».

Время Садханы

Дедушка Тао, моя дочка Надя и я любим прогуливаться по осеннему Петербургу. Он в это время особенно очарователен спокойствием и умиротворенной тишиной. Листья обычно почти все уже опали, воздух прохладный, и солнце пытается его прогреть остатками теплых лучей. Особенно приятно неспешно бродить по брусчатке Петропавловки. Туристов в это время уже не так много.

Однажды мы как всегда неспешно прогуливались по крепости. Перед двенадцатью дня мы добрались до Нарышкинского бастиона, где через пару минут должен был раздаться традиционный оружейный залп, возвещающий всему городу о том, что наступил полдень.

Наденька любит присутствовать при этом. Правда, она в ожидании залпа всегда прикрывает ладонями уши и, несколько прищурившись, пристально смотрит на офицера в черном кителе, замершего при орудии. Выстрел всегда настолько неожиданный и громкий, что она каждый раз вздрагивает. На ее детском личике появляется испуг и одновременно радостный восторг.

После залпа мы обычно неспешно бредем на пристань, а потом, немного постояв и полюбовавшись набережной и разноцветными домами на противоположной стороне Невы, идем дальше по берегу вдоль стен крепости в сторону

Троицкого моста.

Сегодня нас повело иначе – к Трубецкому бастиону, где когда-то располагалась тюрьма, а теперь музей. Я уже не раз бывал в нем, поэтому желания посетить его у меня не было, а тем более с дочкой, поэтому мы просто прошли мимо.

– Хорошее место для ретрита, – улыбнулся Дедушка Тао, кивнув на вход в музей.

– Что ты имеешь в виду? – удивился я.

– Тишина и уединенность – это же мечта для монаха-отшельника. А кроме того, тебя еще кормят и следят за тем, чтобы соблюдалась эта тишина и уединение. Ведь кроме того, что в каждой камере были достаточно толстые стены, то они еще имели и звукоизоляцию из войлока, чтобы узникам нельзя было перестукиваться и тем самым общаться между собой. Так что тишина была полная. Условия для ретрита просто идеальные. Видишь, Саша, как все в этом мире относительно? Для политзаключенных – активных революционеров – такое уединение было невыносимо. Они с ума сходили от этой тишины, а для монаха чистое благо. И те, и другие пребывали все время в полном одиночестве и наедине со своими мыслями. Как думаешь, сколько времени обычно выдерживали революционеры?

– Хм. Не знаю, – пожав плечами, ухмыльнулся я.

– Не буду тебя мучить и скажу – около полугода, а некоторые даже меньше. Потом обычно у большинства начина-

лись психические расстройства. Лишь немногие выдерживали тишину и одиночество. Правда, революционеров можно понять – у них сознание очень активно в желании преобразовывать мир, и если они не могут реализовывать своих стремлений, то могут по крайней мере хоть делиться своими идеями с другими и тем самым действовать, их психика долго не выдерживает и «перегревается», или, иначе говоря, начинают происходить отклонения. А вот в Тибете у буддийских лам подобное отшельничество – это, наоборот, одно из условий духовного роста. И это не просто традиция, а даже норма. Каждый тибетский лама обязан провести в одиночестве, например в пещере или монашеской келье, как минимум год. И нынешний Далай-лама тоже провел в уединении год. Некоторые из них вообще замуровываются в пещере, оставляя лишь маленькое отверстие в стене, прикрытое холстиной, чтобы свет не попадал, через которое ученик раз в день подает еду. Так они и сидят в пещере иногда не год и не два, а даже несколько лет.

– Зачем же они это делают? – удивился я.

– Ну, это отдельный разговор. А вообще, я бы обратил твое внимание на следующую особенность такого уединения – и в Петропавловке, и в Тибете люди пребывают в одиночестве, но одни сами уединяются иногда на годы, а другие не могут выдержать и нескольких месяцев. Другими словами, если человек старается реализовать себя духовно, то он везде свободен. Поэтому он и в одиночной камере будет

ощущать себя свободным. Мало того, тот же охранник, которого поставили караулить у двери и который не может оставить свой пост, будет маяться. Для него это ведь тоже своеобразное заключение. А для отшельника такое времяпрепровождение, наоборот, настоящая благодать. Медитируй себе в удовольствие да путешествуй в астрале. Ништяк!

– Хм, – улыбнулся я, не зная, что ответить.

Мы молча побрели дальше, а у меня в голове возник вопрос о том, смог ли бы я сам вот так год или даже несколько лет своей жизни провести в уединении, как тибетский монах.

Я посмотрел на дочурку, и мне подумалось, что я все же не могу все оставить и заняться собой, когда у меня есть обязанности перед ней, перед женой, перед моими родителями. Я ответственен за них. Они на меня полагаются. Я им нужен и должен быть рядом с ними. Да, может быть, когда-то в будущем придет момент, когда вырастет дочь, у нее будут дети – мои внуки, – и когда они тоже подрастут, и я уже не буду им так необходим в повседневных заботах и хлопотах, и у меня будет время только для самого себя – время Садханы, как его называют в буддизме, – вот тогда действительно можно будет где-то уединиться и заняться своим духовным совершенствованием.

– Деда, а ты бы сам смог на год или на два закрыться, как монах в келье, и ни с кем не общаться? – спросил я Дедушку Тао.

– Видишь ли, Саша, – усмехнулся он, – уединение – это, конечно, хорошее занятие, но уединяться нужно тому, кто, с одной стороны, еще не все в этой жизни понял, а с другой стороны, кто хочет разобраться с самим собой. Для того, кому все уже понятно, тому уже нет смысла уходить в затворничество. Мало того, как я тебе уже как-то говорил, основной экзамен духовной зрелости сдается не в уединении – в лесу, в горах или в монашеской келье, а среди людей. Поэтому и говорится, что совершенномудрый должен чаще пребывать среди людей – среди их радостей и страданий, среди их любви или ненависти, их злобы, зависти, отчаяния, печали и тому подобное. А кроме того, в горах, в лесу или в затворничестве ни ты, ни твое присутствие никому не нужны. Там ты помогаешь лишь самому себе, а этого мало для того, чтобы проверить то, насколько ты совершенен.

Быть Наблюдателем

– Деда, ты когда-нибудь медитировал? – спросил я Дедушку.

– Да, бывало в молодости, – усмехнулся он. – А что это тебя так интересует?

– Да я уже столько разных версий слышал о том, в чем ее цели и смысл, что, честно говоря, даже уже немного запутался. Ты бы сам что сказал?

– Видишь ли, Саша, в рассуждениях о медитации обычно не учитывается то, что само слово «медитация» подсказывает нам, что это некое промежуточное состояние между одним и другим, как, к примеру, в английском названии Средиземного моря, Mediterranean sea, или в слове «медиевистика» – то есть Эпоха Средневековья.

– И что же это за такое промежуточное состояние?

– А это состояние между сознанием и подсознанием, Саша. Иначе говоря, медитация – это процесс сознательного наблюдения за тем, что происходит в подсознании.

– Деда, мне казалось, что это прежде всего некое состояние, в котором мысли успокаиваются?

Дедушка посмотрел на меня с улыбкой в глазах и спросил:

– Ты сам пробовал медитировать?

– Пробовал, – ответил я.

– И что тебя в этом больше всего беспокоило? – продол-

жал улыбаться он.

– Хм, – тоже усмехнулся я, – честно говоря, Деда, очень трудно было сконцентрироваться на тишине внутри. Вернее, ее не было. Мысли – совершенно разные мысли – как муравьи постоянно сновали в голове. Думалось обо всем, только не о тишине. Приходилось постоянно успокаиваться и пытаться удержать внимание на чем-то одном, но оно все равно расплзлось. Так что медитацией это было трудно назвать, – уже без улыбки закончил я.

– Что ж, понимаю, – сочувственно кивнул Дедушка.

– А кроме того, трудно было сосредоточиться еще и потому, что ужасно ныли ноги, – продолжил я.

– Ну да, какое уж там спокойствие, если сознание сосредоточено на боли? – усмехнулся Дед. – Так что, Саша, если уж кто-то собирается серьезно медитировать, то, конечно, нужно прежде всего как минимум пару месяцев просто посидеть в лотосе и дать время суставам и связкам привыкнуть к новому положению. Иначе говоря, для начала нужно стараться по возможности как можно чаще сидеть на полу или на диване, но с подвернутыми ногами. Вот когда такое сидение станет естественным и не будет вызывать болевых ощущений, только тогда можно говорить о начале медитации.

– Деда, а как же в Индии сидят в лотосе и ничего?

– Саша, так они же так всю жизнь сидят. У них нет обычая сидеть на стульях. Да и земля у них прогрета так, что можно спокойно сидеть на ней и не опасаться, что простудишься.

Не как у нас. Опять же, зачем люди медитируют?

– Чтобы успокоить собственные мысли.

– А зачем успокаивать мысли?

– Считается, что в спокойствии можно постичь свое истинное я. Медитация для этого лучшее средство. Так, по крайней мере, говорят разные учителя.

– Ну в принципе правильно говорят. Только что означает обрести свое истинное я? Неужели ощущение твоего нынешнего «я» неистинно?

– Хм, – задумался я. – Оно вообще-то истинно, но мне хочется узнать о нем больше – откуда оно, чем оно отличается от других, почему оно здесь и почему такое? Вообще много вопросов. Вот и кажется, что в медитации на них можно найти ответы.

– А откуда ты уверен, что то, что увидишь или узнаешь о себе в медитации, истинно? Наше воображение способно придумывать небылицы, и мы часто в них верим. А кроме того, Саша, вполне может быть и так, что в глубокой медитации – ведь это сознательное созерцание того, что уже скрыто от нас в подсознании, – ты вдруг узнаешь о своем прошлом «я» такое, что тебя ужаснет? Раньше оно было надежно укрыто и забыто, а теперь это снова стало частью тебя, и ты это вновь помнишь. И просто по желанию выключить память об этом без особых способов уже не удастся. Как говорится, кран сорвало, и вода хлещет вовсю. Прикрыть кран просто так будет уже невозможно. Наоборот, чем

больше ты будешь пытаться его «прикрутить», тем дольше будешь об этом думать, а значит, и помнить. И это будет тебя мучить постоянно. Что тогда?

– Честно говоря, Деда, я об этом даже не думал, – смутился я.

– Вот именно, Саша, – посмотрел он на меня поверх очков. Чуть погодя, он продолжил: – Важно ведь не прошлое, а настоящее. Прошлое – это прошлое, и обычно уже не имеет значения, было это секунду назад или тысячу лет назад. Жить нужно настоящим – здесь и сейчас. В нем твое «я» всегда истинно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.